

Культура. — 1998. — 5-11 ноября. — С. 13

Очень молодая Россия

Пять лет оркестру Марка Горенштейна

По меркам человеческой жизни пять лет — возраст младенческий, но симфонический “младенец” Марка Горенштейна уже успел заявить о себе звонко и уверенно. Говорить о себе ли любимом, о любимом ли ребенке беспристрастно и объективно нелегко. Проще это сделать человеку, который находился рядом с оркестром с самого его рождения, внимательно следил за его ростом и съел с ним не один пуд соли, работая над полутора десятками компакт-дисков. Человек этот — артистический директор российско-французской фирмы грамзаписи “Русский сезон” Евгений БАРАНКИН.

— В последнее десятилетие возникло множество оркестров. Одни, продержавшись на плаву некоторое время, исчезали так же быстро, как и рождались, уступая место другим. И только сильным личностям дано было создать коллективы, прочно занявшие свои ниши в столичной концертной жизни. Марк Горенштейн собрал под свои знамена не маститых оркестрантов, не лауреатов международных конкурсов, а обыкновенных, еще не совсем обученных студентов музыкальных учебных заведений и начал с ними работать. Видимо, необходимость этого шага была подсказана ему свыше — по-моему, в рождении новых творческих коллективов всегда есть нечто мистическое. Говорят, браки заключаются на небесах. Наверное, и сигнал о создании оркестра исходит оттуда же.

Первой акцией нового симфонического коллектива была запись компакт-диска, посвященного 100-летию Б.Лятошинского, — это был заказ украинской диаспоры в Америке. Пикантность ситуации состояла в том, что дирижировать должен был американец, маэстро Вирко Балея, а готовил оркестр к записи Марк Горенштейн. Люди творческих профессий понимают, каково переступить через свои исполнительские амбиции, но Горенштейн сумел это сделать. Совсем

еще зеленые ребята всего за несколько смен записали сложную, незнакомую им музыку. Балея просто не поверил, что они участвовали в записи впервые в жизни.

— Спустя некоторое время на концерте оркестра Горенштейна в БЗК ко мне подошел Михаил Швыдкой, в ту пору зам. министра культуры, и сказал: “По-моему, из этих ребят получится толк. Надо брать их под крыло министерства”. Не будучи музыкантом, он верно почувствовал их достоинства, которые станут главными чертами творческого облика оркестра: высокая исполнительская ответственность, сбалансированность групп, понимание идей дирижера и старание точно их воплотить. Тогда-то и состоялась “презентация” нового коллектива — в студенческой столовке выпили шампанского из картонных стаканчиков — и возникло название “Молодая Россия”.

К созданию своего оркестра Марк Горенштейн шел долгие годы. Он подумывал об этом, еще когда был скрипачом в оркестре Большого театра, а потом в “команде” Евгения Светланова. Оркестровая кухня была изучена изнутри, оставалось только овладеть мануальной техникой, и в конце концов Горенштейн отправился на учебу к одному из лучших российских дирижеров — Арнольду Кацу.

Фото ИГОРИНОВОЙ

Обстоятельства сложились так, что свою дирижерскую деятельность Горенштейн начал в Будапештском симфоническом оркестре МТВ, принадлежавшем железнодорожному ведомству. Спустя три года он выиграл конкурс на место главного дирижера муниципального оркестра в южнокорейском городе Пусан. Накопив изрядный исполнительский опыт, Горенштейн вернулся в Москву — ему предложили “Оркестр для детей и юношества” Министерства образования, в составе которого преобладали... пенсионеры. Принять этот “собес” дирижер согласился при условии, что оркестр будет полностью обновлен, и пошел на большой риск, объявив набор среди студентов столичных музыкальных вузов.

— Работа над новой программой в оркестре “Молодая Россия” — это одновременно и творческий, и педагогический процесс. Прежде чем приступить к общим репетициям, каждый музыкант проходит с дирижером свою партию. Горенштейн требует от артиста сольной индивидуальности и ансамблевой чуткости. Он строг и требователен, не прощает неуважения к авторскому тексту и равнодушного “глаза”. Не все выдерживают его мощный педагогический прессинг, его темп и темперамент — оркестр “Молодая Россия” знаком с проблемами музыкантской миграции. Одни уходят на более спокойную работу, другие — на более высокие заработки (ставки оркестрантов у Горенштейна, мягко говоря, “смешные”).

Сбалансированность групп — один из показателей творческой зрелости дирижера и оркестра. Горенштейн обладает великолепным слухом, позволяющим ему добиваться звукового равновесия духовых, струнных и ударных, так что все подголоски в партитуре, все

динамические изыски становятся рельефны, и их интересно слушать. Конечно, не обходится без изъянов — они же молодые люди, к тому же играют на очень средних инструментах, что добавляет проблем. В отсутствие полноценного государственного финансирования им приходится тратить деньги, заработанные на записях или на гастрольях, на струны, трости, мундштуки, палочки, тарелки и другое оркестровое хозяйство. Но результат налицо: когда оркестр “Молодая Россия” играет “Ноктюрны” Дебюсси, меломаны упиваются его прозрачной, тонкой, истинно импрессионистической звукописью. А в Шестой симфонии Чайковского знатоков поражает трагедийная глубина, несовместимая на первый взгляд с молодостью исполнителей. Но в этом-то и состоит талант дирижера-педагога, научившего юных подопечных пропускать сильные “взрослые” страсти через свои сердца.

За пять лет работы оркестр “Молодая Россия” переиграл огромный репертуар: произведения Глинки, Чайковского, Рахманинова, Щедрина, Хренникова, Шостаковича, Шнитке, Бетховена, Брамса, Франка, Листа, Р.Штрауса, Грига, Гершвина. До симфоний Малера и Брукнера руки пока еще не дошли, видимо, Горенштейн считает, что исполнение этой сложной музыки требует исполнительского, а главное, жизненного опыта. Не играет он и острого авангарда — не любит. Иногда в адрес дирижера можно услышать упреки в излишней аффектации. Вряд ли она продиктована стремлением к самолюбованию — Горенштейн достаточно строг к себе. Пожалуй, это следствие его внутренней театральности, далекой, однако, от позерства. Раскрепощенность жеста, повышенная эмоциональность могут ко-

го-то шокировать, но чаще всего они обусловлены характером исполняемой музыки. Во всяком случае важен результат, а он всегда убедительный, неординарный, яркий.

— Театральность Горенштейна прочитывается в программах его компакт-дисков. В одном случае это произведения Чайковского по Шекспиру: “Ромео и Джульетта”, “Гамлет”, “Буря”. В другом — “Кармен-сюита” Щедрина, сыгранная по-своему импульсивно. А в третьем — и вовсе удивительное сопоставление: “Сон в летнюю ночь” Шнитке “не по сну, не по летней ночи и не по Шекспиру” — пьеса, полная остроумного озорства, и почти кинематографичная балетная сюита “Любовью за любовь” Хренникова — эта целиком по Шекспиру. А как живописен и драматургичен его Рахманинов — Вторая симфония и “Вокализ”, записанный для Японии. Манеру Горенштейна можно принимать или отвергать, но в самобытности, образной многокрасочности ей не откажешь.

Как и все симфонические коллективы сегодня, “Молодая Россия” ощущает финансовый голод. Государственная поддержка осуществляется только в выплате зарплаты. Спонсоры оказывают какую-то помощь, но в отсутствие экономических стимулов эта помощь носит спонтанный характер. Гастроли, как у всех, стали проблемой, и все же оркестру Горенштейна удается ездить (только что вернулся из Германии). Не так давно “младороссиянам” аплодировал Смоленск, шумный успех был у них на Днях искусства России в Польше. Жаль, конечно, что многое в жизни этого коллектива происходит не “благодаря”, а “вопреки”. Но, как говорят французы, се ля ви.

Евгений ЭПШТЕЙН